

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

Año XXXV Buenos Aires, Viernes 5 de Noviembre de 1982

Буэнос Айрес, пятница, 5 ноября 1982 N°1685

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КАКАЯ РОССИЯ НУЖНА?

Нам пишут из Франкфурта:

Подводя итог своему 10-летнему пребыванию в свободном мире, ставший в декабре 1972 года невозвращенцем армянский ученый и публицист Э. Оганесян в статье опубликованной в журнале "Посев" пришел к следующему выводу: "Запад не заинтересован в переменах в Советском Союзе. Если бы были в этом заинтересованные силы, то они прежде всего и больше всего начали бы обхаживать угнетенный русский народ, не оскорблять, а поддерживать его национальное самосознание, его национальные чувства. А там, глядишь, и родится русская "Солидарность". А, если она родится, то спасение придет для всех... Но таких сил нет, а все, что есть, — направлено против русских".

Далее Э. Оганесян осуждает западное стремление к атомному равновесию: "одна сотая часть средств, идущих на оборону США, отданная народам СССР для достижения свободы, отданная с умом и с симпатией к этим народам и прежде всего к русскому народу, могла бы перекроить карту мира так, что и защищаться американцам и европейцам было бы не от кого — разве что от собственных коммунистов".

Почему западные экономисты не делают этого элементарного подсчета? Не потому ли, что Запад не заинтересован в изменениях в СССР? — спрашивает Оганесян. "Может быть, ему нужна именно такая Россия, которой всегда можно продать свою пшеницу и джинсы?"

ИГОРЬ ОГУРЦОВ

Нам пишут из Мюнхена:

По данным бюллетеня "Вести из СССР", в прошлом году руководителю подпольной организации ВСХСОН Игорю Огурцову, отбывавшему тюремное заключение, ленинградское КГБ предлагало эмиграцию из СССР. Условия КГБ были следующими: выступление Игоря Вячеславовича на пресс-конференции с видеозаписью, выражение при этом раскаяния и обещания, что "в случае эмиграции он не будет действовать в ущерб советской власти". Предложение чекистов глава ВСХСОН отверг и заявил, что согласен выступить на пресс-конференции только в присутствии иностранных корреспондентов.

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

НЕПРЕКЛОНИМЫЙ

Молодой армянский живописец Карапет Саарян (однофамилец великого художника), узнав правду о гибели Императора Николая Александровича и его августейшей семьи, написал об этом картину. Картина была небольшой по размеру, но художник вложил в нее свою душу, она получилась потрясающей. На картине изображена вся царская семья, а также верные Государю слуги и врач Боткин. Они в подвале, в том самом подвале, входя в который, как гласит народное предание в России, Император сказал:

— В этот подвал есть вход, но из него нет выхода!

Палачи, чтобы причинить большую боль и без того исстрадавшемуся сердцу Помазаннику Божьему, прежде всего стреляют в наследника, которого император держит на руках. Из груди Цесаревича ручейками льется его святая кровь, кровь невинного агнца, она сочится между пальцами отца и на одежде царя — огромные пятна крови, свежей, блестящей...

Саарян откуда-то узнал, что после убийства Цесаревича, палачи не сразу стали стрелять в остальных. Они дали время августейшим родителям настрадаться смертью их любимого дитя, Наследника Престола Всероссийского. И только, насплавившись по-садистски страданиями обреченных, принялись расстреливать остальных.

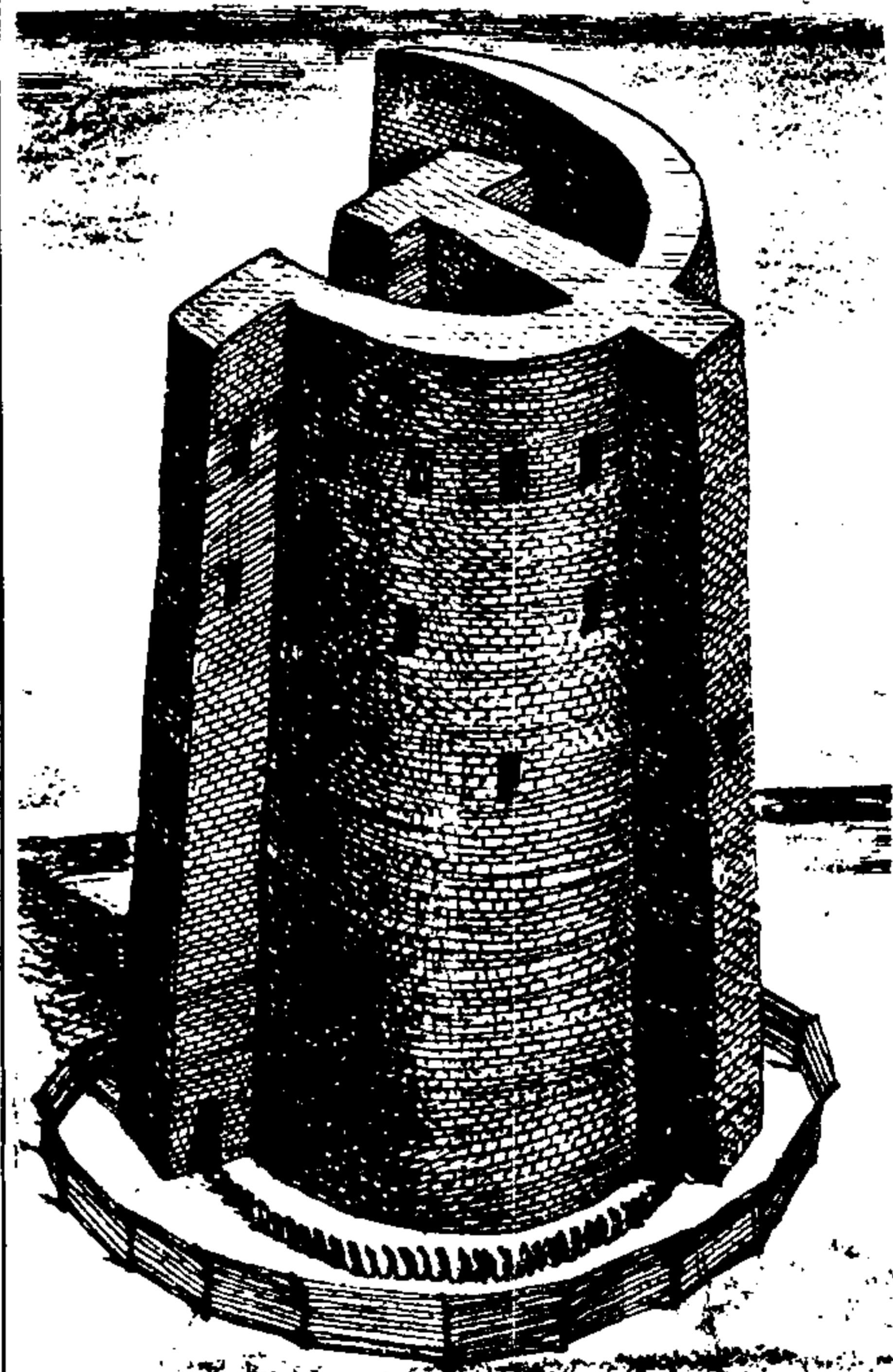
Говорят что Наследник умер не сразу. Он долго бился на руках Государя. Вот это все и было изображено Сааряном на его исторически верном и повидимому гениальном полотне.

Саарян получил за эту картину 25 лет лагерей строгого режима. Я встретился с ним в Братском лазарете для заключенных, после того как он отбыл уже более половины своего срока.

Начальником лазарета тогда был майор Шамота, сам немного занимающийся живописью и потому благоволивший к художникам. Под видом большого он оставил Сааряна в лазарете, оборудовав ему небольшую мастерскую. После тринадцати лет страданий в лагерях (в том числе и оттого, что он не имел возможности заниматься любимым искусством), Саарян наконец получил в свое распоряжение кисти и краски.

Первой его картиной в лазарете было большое полотно размером 2 на 3 метра, которое он назвал "В морге". Тема произведения была явно не советская. Но художнику она удалась. На втором плане горы трупов заклю-

ченных наваленных один на другой. На первом же плане стол обитый оцинкованной листовой сталью и на нем распотрошенный труп. Потрошитель держит в руке сердце умершего и разрезает его. Вокруг казёбисты в белых халатах, с тупыми безразличными лицами и среди них сам майор Шамота. Портретное сходство было столь удивительно, что шеф лазарета был в восхищении от картины. Он повесил ее в своем кабинете, на глухую стену против окон. И когда нас зачем либо вызывали в этот кабинет, мы поражались мастерством художника. Казалось, что в том месте, где висит картина в стене провал и в том провале

кусочек морга, не нарисованного, а настоящего, таким каким он был, с его трупами, с потрошителями трупов...

Заместителем Шамоты был капитан Гаспарян. Для его кабинета Саарян написал полотно "Бабы". Никаких баб на картине не было. Была изображена камера мушкетеров. Все они — у приподнятых к самому потолку зарешеченных окон камеры. Во двор тюрьмы, пригнали этап женщин. Уголовники смотрят на них в окна. И выражение лиц наблюдателей, их позы таковы, что становится совершенно ясно, что исстрадавшиеся по женскому полу мушкетеры, действительно видят "Баб".

Картина была подставлена Репинской, на которой запорожцы пишут письмо турецкому султану. То же разнообразие характеров живых и полных, вот только одежда на людях не так пестра как у Репина.

Когда мы смотрели на картину "Бабы" то аналогия с картиной Репина напрашивалась сама собой. Да и писал Саарян почти как Репин: такие же длинные по метру и больше кисти, такие же крупные, но нежнейшие мазки...

В мою бытность в Лазарете художник написал и свою последнюю картину, которая стала для его судьбы роковой. Из-за нее он был выдворен из лазарета, из-за нее опять надолго, а может быть навсегда, лишили его кистей и краски, казнили в нем самообитого талантливого художника.

Майор Шамота просил его нарисовать картину, на которой был бы изображен Ленин. И Саарян нарисовал такую картину. Он назвал ее "Ленин", в угоду Шамоте. Но более правильно было бы назвать ее "Мать-родина". Но и название "Ленин" было очень сильным. Этим названием картина как бы казнила весь коммунистический режим, казнь у позорного столба истории. Картина была двухметровой высоты и полтора метра ширины. Мать-родина была изображена красивой женщиной в простом народном убранстве. Брови ее сурово сдвинуты, в живых, смотрящих на зрителя глазах, а так же в каждой складочке лица ее — неизъяснимая печаль. Она вытянула вперед руку, собрав ладонь и пальцы ковшиком и в этом ковшике, маленький, менее дюймовочки уродец удивительно похожий на Ленина. Даже национальные признаки Ленина сквозили в его лице. Было что-то в нем чувашское и еврейское и ничего русского. Уродец держит в руке пистолет, направляя его прямо в лоб величественной матери-родине. Лицо уродца, маленькие но четко прорисованные глаза его, выражают одновременно и страх и хитрость.

Казалось, вот соберет мать-родина пальцы свои в кулак и под ними хрустнут кости уродца. И не станет уродца и исчезнут его угрозы.

И вот однажды утром Саарян установил эту картину в столовой между двумя раздаточными окнами. Картина была в прекрасной, ручной работы, резной раме изготовленной бригадиром столярного цеха Григорием Чапаевым. Освещение перед ней было сделано, по замыслу художника, электриком Хакимом Шаиповым.

Получая в свои котелки баланду и в крышке котелков чуть гуще баланды кашу, заключенные отходили от раздаточных окон и со стороны подолгу любовались картиной, пока надзиратели не гнали их в шею на работу.

На беду в тот же день, когда была вывешена картина "Ленин" в столовой, в лазарет приехал для проведения своих черных бесчеловечных дел, начальник оператив-

БИБЛИОГРАФИЯ

Роман Гуль. "Я унес Россию". Том 1. "Россия в Германии". Нью Йорк, 1981.

В одном месте книги выражено сожаление, что еще не написана история русской эмиграции; и, конечно, эти воспоминания составят в данную будущую историю ценный вклад. Предлагаемая нам тут первая часть ограничивается, к сожалению, описанием периода жизни автора в Германии, с 1919 по 1933 г.. Остается с нетерпением ожидать продолжения, и в особенности "России во Франции", охватывающей отрезок времени, знакомый мне по личному опыту и когда мне с писателем случалось лично встречаться.

Рассказу о годах эмиграции предпослан краткий очерк детства и юности повествователя и его участия в Белом Движении, где он сражался и получил рану. Любопытно его родословная, лишняя раз свидетельствующая о смешанном составе нашей интеллигенции в целом и нашего дворянства в частности.

Происхождение Гуля — самое знатное по обеим линиям. По отцу оно восходит к шведским аристократам Вреде и непосредственно к прадеду писателя, переселившемуся в Россию светлейшему князю Иосифу Вреде, сыну фельдмаршала и наполеоновского гр афа, имевшему в 1834 г. сына от Марии Гуль. Согласно семейной легенде (к коей сам Р. Б. Гуль относится скептически, но которая, при учете тогдашних нравов, более чем правдоподобна; сколько похожих эпизодов нам сохраняют мемуары и анекдоты!), ребенок-то родился от вполне законного брака; но влиятельному и высокопоставленному кирасирскому офицеру удалось аннулировать свое первое супружество, при согласии своей бедной и скромной подруги (а той что и оставалось делать?) с целью вступить в другой, более выгодный брак. Если оно так, то по справедливости и Гуль-то был бы должен носить фамилию Вреде и княжеский титул; о чем, впрочем, ни он сам, ни его отец, ни даже дед нимало не беспокоились.

По матери же он — из семьи Вышеславцевых, выехавших из Лит-

вы на Русь при Василии Темном; а по бабушке Аршеневской, семья их была в родстве с Соломонией Сабуровой, первой женой Василия Третьего.

Наблюдения о России в изгнании, каковые мы находим под пером Гуля, в первую очередь интересны картиной литературных и журналистических нравов в Берлине 20-ых годов и идейных тогдашних движений, как евразийство и сменовеховство. Их значение еще повышается тем, что автор общался в ту эпоху со многими советскими писателями, не говоря уже об эмигрантах, репатрировавшихся затем в СССР. Это ему оказалось возможным ввиду его близости некоторое время к сменовеховскому журналу "Накануне". Связь его со сменовеховцами была, впрочем, недолгой и ее нельзя ему серьезно ставить в вину.

Грядущие годы таятся во мгле,
и в те дни, кто мог отчетливо провидеть дальнейшее? Стоявший тогда на распутьи литератор попал позже в стан решительных антибольшевиков, где и по сей час остается. Таким уже я его встретил и знал в 40-е годы, первые годы моей эмиграции, в Париже.

Круг людей, с кем мемуарист сталкивался и о ком упоминает, обширен и разнообразен, лиц более и менее значительных, но судьба которых связана с русскими литературой, политикой или искусством. Назовем таких как К. Федин, М. Цветаева, А. Н. Толстой, С. Есенин, М. Алданов, А. Белый, И. Эренбург, Ю. Тынянов, Л. Сейфуллина.

Жаль, что порою Гуль чересчур доверчив: записав, например, неприличные и неправдоподобные воспоминания выпивавшей и неуравновешенной фантазерки Н. Петровской о Брюсове, Бальмонте и Белом.

Курьезен один биографический эпизод, ибо наводит на мысли о роли Провидения. В 1931 г. Федин приехал в Германию тяжело больной туберкулезом, приговоренный врачами. Гуль (и главное, его жена) его спасли, найдя доктора, сумевшего указать правильное лечение. Федин прожил потом много лет и, — мы теперь знаем, — погубил свою душу и свое доброе имя бессовестным соглашательством с большевиками. Умри он тогда, — о нем осталась бы память как о сравнительно порядочном человеке. Гуль

ного чекистского управления при Управлении лагеря подполковник Казанков, ушедший вскоре после этого в ад. Войдя в столовую и увидев картину, он остановился на середине зала и долго глядел на полотно пораженный величием мастерства художника, потом вынул из кармана перочинный нож и, подойдя к картине вплотную, разрезал ее крест накрест.

В тот же день позади столовой был разведен костер и огонь уничтожил "Мать-родину" и "В морге" и "Бабы", а также многочисленные эскизы художника для будущих картин и все его кисти и краски.

Саарян с разрешения Шамоты носил длинные расчесанные на прямой пробор волосы. По распоряжению Казанкова он был немедленно пострижен под машинку и прямо из парикмахерской его увели в ШИЗО. Посадили в ШИЗО и бригадира Чапаева за изготовление рамы для картины и электрика Шаипова за устройство освещения картины. Всех троих потом отправили неизвестно куда.

Говорят нашли у Сааряна при обыске и маленькую, как почтовая открытка, картину "Убийство царской семьи", которая была двойником той картины, за которую художник получил 25 лет заключения.

Когда всех троих увели из ШИЗО на вахту для отправки куда-то, Саарян рыдал. Смерть его картин была для него тяжелее его физической смерти.

После мы узнали, что Сааряна вновь судили. Приговор был коротким: снова к двадцати пяти годам заключения. Отбытая половина срока не в счет.

Мне вспомнилось все это когда я прочел в "Нашей Стране" письмо И. Никитина, (№ 1673). Мне захотелось сказать ему, патриоту земли русской, что у России есть еще порох в пороховницах, она подсушила его и держит теперь наготове. Большевики же по тому пути, который они наметили — летят в пропасть.

Они пришли и уйдут, а Россия останется.

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

с женой действовали по доброте и дружбе, и их не в чем упрекнуть, — но результаты вышли зловещие. Судьба избрала их своим орудием в казни над грешником.

365 страниц "Апологии эмиграции" (таков подзаголовок сочинения) читаются с увлечением и содержат богатый фактический материал. Спорить в них не с чем: их основной тон — ad nagrandum, non ad probandum; если оценки иногда субъективны, то летописец и не претендует на высшую правду, а излагает лишь свои впечатления.

Есть только два пункта, где нам хочется возражать; и оба касаются отношения Гуля к Белому Движению. Никто не спорит, что в нем совершались тяжелые ошибки; но вот, в чем конкретно, — здесь мнения сильно расходятся.

Гуля отталкивало, что Добровольческая Армия была, на его взгляд, не народной. Не станем оспаривать ее состав (а там имелись, однако, даже части, составленные из рабочих, не только из крестьян). Но скажем, что это войско было народным в самом высоком смысле, так как дралось за народные интересы. Победы оно, — сколько несчастий миновало бы Россию, всю, и простой народ в том числе! А что народ не понимал порою своей выгоды, так можно было его жалеть и извинять; однако, не итти же

у него на поводу! Конечно, как не согласиться с Гулем, что надо бы было народ переубедить, привлечь на свою сторону... только легко ли сие было достижимо, в тот трагический момент?

Другое, что казалось нестерпимым будущему писателю, это — необходимость стрелять в своих же русских, в рядовых, часто ни в чем не повинных. Обычное терзание людей в гражданскую войну (тем же мучились, годы спустя, многие бойцы Р. О. А.). Да которое может вспыхивать и в национальных войнах: солдаты, кого надо убивать, меньше всего ответственны за возникновение международных конфликтов!

Только ведь это, если вдуматься, — ложное искушение. Подлинные виновники, они всегда далеко в тылу; чтобы до них добраться, волей неволей нужно опрокинуть заслон из обыкновенных людей, который они силой выставляют. В гражданской войне важно одно: служить правому делу и быть в этом твердо убежденным! Тогда чувствуешь, что на деле защищаешь, именно, свой народ и свою страну в целом, включая и тех, против кого, волею судьбы, сражаешься. Их победа им ведь несет худшие беды, — что и сбилось с красноармейцами и матросами революции...

Владимир Рудинский

ЕФРЕМ ЛОПАТИН

ВСЯКОЕ О РАЗНОМ

Из Афганистана поступают сообщения о том, что в стране вспыхнул голод. Это произошло оттого, что большая часть сельского населения Афганистана бежала, а также оттого, что советские войска уничтожают посевы афганцев, подозреваемых в сочувствии к повстанцам. В то же самое время повстанцы довольно часто захватывают автоколонны с продовольствием из Советского Союза. Из-за нападений повстанцев афганское правительство потеряло так много грузовиков, что встал вопрос об увеличении их экспорта из стран восточного блока. Премьер-министр Афганистана Сунтал Али Кештманд признал, что повстанцы уже почти развалили всю транспортную систему Афганистана.

Советский ГУЛАГ получил еще один островок — тюрьму на территории Швейцарии, любезно предоставленную швейцарским правительством для содержания советских военнопленных из Афганистана. Повстанцы обычно убивают пленных, однако, по договору с Международным Красным Крестом, некоторые пленные были переданы для интернирования в Швейцарии. Через два года они должны быть возвращены в Советский Союз. Швейцарская полиция держит пленных в строгой изоляции, не допуская к ним ни журналистов, ни представителей НТС, пытающихся войти с ними в контакт. Сейчас в Швейцарской тюрьме содержится пять советских военнопленных. Недавно неудачей закончилась вторая попытка бегства двоих из них. Вероятная причина бегства — нежелание возвращаться в СССР. Возможно, что при содействии Швейцарских властей готовится вторая насильственная репатриация.

Немецкое общество борьбы за права человека сообщило, что на строительстве сибирского газопровода Уренгой работают советские заключенные, среди которых, возможно, есть и политические. Это ставит в неловкое положение западноевропейские страны, которые помогают Советскому Союзу в строительстве газопровода, надеясь получить дешевый советский газ. Напомним, что западные страны в тридцатых годах продолжали покупать советский лес, хотя в нем были найдены отрубленные руки советских заключенных. Сейчас, однако, вопрос об использовании рабского труда на строительстве газопровода был поднят американской администрацией, которая пытается убедить своих европейских союзников по НАТО не ставить себя в зависимость от поставок советского газа и отказаться от контрактов на строительство газопровода.

ЕФРЕМ ЛОПАТИН

ПЕЧАТЬ

СЮРПРИЗЫ

Надо всерьез поблагодарить С. Бабеньшеву за ее интереснейшие публикации. В журнале "Время и Мы" она дала отрывки из дневника Ольги Берггольц, рисующие совсем иной облик этого замечательного поэта, чем подсовываемый нам с навязчивостью большевиками (например, в препротивной книжке "Вспоминая Ольгу Берггольц"; Ленинград, 1979).

Еще значительнее публикуемые ею сейчас, в сборнике "СССР: внутренние противоречия", № 3, главы из воспоминаний Веры Пановой, опущенные (и не диво!), в советском издании ее книги "О моей жизни, книгах и читателях" (Ленинград 1975).

Рассказывая здесь об аресте и гибели в период террора ее мужа Бориса Вахтина, писательница говорит о большевиках: "Теперь-то я знаю, что их цель была истребить всех, кто мог мыслить, а вовсе не тех, кто был в чем-нибудь виноват", и так обращается к жертве: "Ты видишь нас всех, не правда ли, мой мученик? Ты помолишься, не правда ли, чтобы Господь скорее дал нам свидеться Там?" А о своем состоянии в те годы рассказывает следующее: "Мне казалось, что иначе теперь и быть не может, что отныне вся людская жизнь пойдет под знаком катастрофы, в том числе и моя. Что-то нарушено — какое-то обязательное равновесие, без которого мир не может держаться. Тогда я еще не сообразила, что это нарушение заключается в нашем разрыве с Богом, разрыве, на который нас подбили и который не мог сойти нам с рук. Да, зато, что мы забыли Его заповеди и слушали заповеди иные, лжепророческие, — за это и хлынуло на нас все то, что хлынуло..."

Отметим еще такое место: "Очень тягостно мне то обстоятельство, что о дедах и родителях принято писать, что они при всей своей косности втайне были пламенными революционерами, такая уж сложилась традиция рядить своих стариков в красное. Я же не хочу врать на моих покойников..."

Мы всегда высоко ценили Панову, чувствуя в ее творчестве подспудные национальные и христианские ноты; еще при появлении ее первого (и самого замечательного) романа "Спутники", "Наша Страна" откликнулась на него с живым одобрением. Приятно убедиться, что покойная писательница была к нам еще гораздо ближе, чем мы думали, была во многом, если не во всем, нашей единомышленницей.

Много, наверное, таких радостных сюрпризов, о живых и мертвых, готовит нам еще будущее!

В. Р.

И СМЕХ И ГРЕХ...

В советских продовольственных магазинах появились порнографические товары: голые полки.

АНАТОЛИЙ БОР

МЕРТВЫЕ СТРОКИ

"Когда последний раз он был в Москве, — повествует Корней Чуковский в своих воспоминаниях об Александре Блоке, — и выступал в Доме печати с циклом своих стихов, на подмостки взошел вслед за ним какой-то ожесточенный "витель" и стал доказывать собравшейся публике, что Блок как поэт уже умер.

— Я вас спрашиваю, где здесь динамика? Это стихи мертвеца и написал их мертвец.

Блок склонился ко мне и сказал: "Это правда". И хотя я не видел его, я всею силою почувствовал, что он улыбается.

— Он говорит правду: я умер." Независимый русский альманах "Вече" дважды посвятил свои страницы анализу литературного наследия А. Блока. И не случайно: мертвец грандиозен и к его вскрытию придется вернуться еще не раз...

В третьем номере мюнхенского "Веча" опубликованы ответы на вопросы анкеты распространенной в связи со столетним юбилеем поэта, самиздатским журналом "Диалог", выходящим в сегодняшнем Петербурге. Некоторые вопросы касались мистицизма поэзии Блока, как и его кощунственной поэмы "Двенадцать". И вот — фейерверк ответов русских современных читателей.

Поэт Олег Охупкин удивил нас своею смелою прямою: "Я не люблю этой поэмы (речь идет о поэме "Двенадцать") и никогда не любил ее. Иногда у меня бывает такое чувство, что написана поэма не Блоком, а женой его Любой. Недаром сам он никогда не читал этой поэмы и не мог ее выговорить. Зато Люба нашла себя именно в чтении этой поэмы — такой же развязанной, циничной и окончательно хамской. Однако, я понимаю, что написал ее именно Блок, и в ней видна его помутненная, озлобленная душа. Люба-таки утянула Блока в болотце свое земневодное, куда ее загнала мелочная гордыня. Право, жаль Блока, и жены его Любы. Но поэма притягивает меня своею катастрофичностью. Ее не забыть, как не забыть бесчестия. Но простить можно и должно. Все в ней вызывает боль и ужас. Может быть это песня антихриста... Но как все это мелко! Ужасно, что она была написана в Петрограде в январе-феврале 1918 года, когда громили Лавру Александра Невского — небесного покровителя Александра Блока. Такая религиозная и поэтическая глухота и неотзывчивость могла быть вызвана только особенным сатанинским внушением, истолкованным Блоком как веяние личной его гениальности. "Сегодня я гений". Это гордо и потому нелепо. И тот шум, который слышал Блок, не был шумом крушения старого мира, как мы видим через шестьдесят с лишним лет, но крушением его личности. Личность как бы распалась на исполтинские куски..."

Прозаик Федор Чирсков установил безошибочный диагноз смертельного недуга левизанствующего поэта: "Поэма "Двенадцать" воспринимается мною как чрезвычайно болезненное насилие поэта над собою, попытка ужиться с той "новой гармонией", которую принесла революция. Вместе с тем нельзя не признать, что поэма эта абсолютно

последовательно продолжала тот путь, по которому шла русская интеллигенция начала века, и в этом смысле "Двенадцать" есть честное развитие тех принципов, которые он выразил словами: "Дням настоящим молвить нет". Блок оказался последовательней русской интеллигенции, которая к тому времени уже около ста лет хлопотала о самой радикальной революции и приходила в состояние религиозного экстаза при мысли о насильственной, кровавой перестановке фигур на шахматной доске, а когда увидела плоды дел своих, моментально умыла руки. Блок был самым последовательным русским интеллигентом и высоким поэтом при этом. Это оказалось несомненно, и он умер."

Литературовед И. Мартынов сделал рентгеновский снимок мистицизма, Блока и группы декадентов, к которым поэт принадлежал: "Блок — глубоко, органически мистический поэт, однако его мистицизм (так же, как и мистицизм всего русского декадента; о европейском декаденте судить не берусь) очень далек от христианства, тем паче от христианства ортодоксального. Это "темный" мистицизм, не обязательно сатанинский (черные мессы, иллюминанство и т. д.), но "темный" с изрядной примесью язычества, апокрифизма, вольтерьянства и прочих "измов". Духовное отрезвление и очищение пришло ко многим "вчерашним" декадентам (Гумилев, Ахматова, Пастернак и др.) только со страданием, с Божьей карой и с испытанием "огнем". Характерно, что те же самые "внешние" обстоятельства привели в стан *прямых сатанистов* Брюсова, Городецкого, Зенкевича и др., достаточно послуживших князю тьмы как до 1917 года, так и после него. К какой категории отнести Блока — сказать не берусь, да и не имею морального права. Мне ясно только одно, что *Христос* из "Двенадцати" не имеет ничего общего с Сыном Божиим."

Необходимо подчеркнуть, что информация о проведенной самиздатским журналом "Диалог" анкете была дана уже в зарубежной прессе. Однако "Вече" сделал ту же информацию более *подробной*, выправив таким образом ее предыдущую "однобокость"...

В пятом номере этого же альманаха опубликована статья проф. Р. В. Плетнева "О Блоке", в которой литературное наследие поэта подвергается пристальному и беспощадно-объективному анализу. Переоценка "ценностей" художественной манеры Блока представлено по строго намеченному академическому плану: "невзыскательность художника", отсутствие патриотизма, суеверность, а не вера, распушенность в быту и стихах, кощунство и богохульство. Слов нет, нужная и, может быть за целое шестидесятилетие единственная, статья вносящая ясность и ставящая точки над "и". Но публикуя ее редакция "Вече" сочла необходимым дать предисловие к ней, в котором встречается и такое предположение: "Безусловно, далеко не все согласятся с мнениями, высказанными в столь категорической форме одним из старейших русских славистов на Западе". Да и сам проф. Р. В. Плетнев начинает свою статью с долей го-

речи: "Отшумели симпозиумы, изданы книги, написаны статьи о поэте очень умными людьми, а все же, может статься, и моя небольшая статья нужна. Вносит она некоторый диссонанс в прославление Александра Блока".

Почему же "диссонанс"? Почему: "далеко не все согласятся"? Ведь идет осуждение богохульства!

И вот в памяти всплыл пятилетней давности экземпляр газеты "Вашингтон пост" (от 19 июня 1977) с карикатурой на икону Владимирской Божией Матери держащую "младенца" Брежнева... Как дружно протестовала тогда вся пресса Русского зарубежья! А между тем редакция американской газеты (если бы имела время заниматься поэзией) могла бы резонно спросить почему о богохульстве блоковской поэмы "Двенадцать" не было поднято такого дружного шума осуждения...?

Как жаль, что "Вече" не начало издаваться пять лет назад... Но доведись этому рыцарскому альманаху заклеить богохульство карикатуристу Винта Лоуренса, хотя бы и теперь, вряд ли бы эту отповедь могла бы сопровождать такая, уже цитированная однажды фраза: "Безусловно, далеко не все согласятся с мнениями, высказанными в столь категорической форме..." Да доведись и самому проф. Плетневу посвятить нашумевшей карикатуре вразумляющую статью, ее бы никогда не пришлось бы начинать со скептическим вздохом: что она де внесет диссонанс...

Почему же протест против блоковского богохульства "диссонанс"? Ведь Блок поставил Иисуса Христа во главе двенадцати разбойников — кудеяров, которые постригаться в иноки и не собирались, а так и остались разбойниками. В чем же загвоздка?

А в том, что поэма "Двенадцать" критиками атеистами фальсифицирована и преподнесена как некое гениальное произведение. Полувекковая практика внушения, что голый король носит драгоценный поэтический наряд, оставила канон *неприкосновенности* Блока: нельзя критиковать великого поэта даже если он и богохульничает... А между тем нет во всем балаганном и лубочном фольклоре более безпомощного и безвкусного раешника, чем состряпанный Александром Блоком и названный им поэмой "Двенадцать".

Проф. Р. В. Плетнев подсчетом и анализом эпитетов и метафор показал недоработанность, незрелость стихотворной "продукции" А. Блока. В джунглях очковитрагельных похвал блоковскому мастерству, проф. Плетнев прорубил просеку. Попробуем двинуться по тому же пути.

Отказавшись от своей питейно-салонной напевности, А. Блок пытается запечатлеть революционную улицу с ее грохотом. Для этой цели он не нашел ничего лучшего, чем звукоподражательную цепочку слогов: "трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!", или еще более впечатляющее: "тра-та-та!" Но все эти "Ужасы" революционной картины не пугают, а наоборот — смехотворны. Даже те, кто никогда не листал книги Чуковского "От двух до пяти" помнят детскую песенку русского фольклора: "Тра-та-та! Тра-

та-та! Вышла кошка за котом!"

Поэтическая глухота, интуитивная пустотность не дали понять Блоку, что одна уж память взрослого читателя не позволит, его попытку запечатлеть уличную перестрелку с помощью: "тра-та-та!", принять всерьез!

Дабы быть с революционно разбойничьим миром "своим в доску", Блок пытается стилизовать простонародный язык. Он аккумулирует производно-разговорные личные имена: Ванька, Катя, Петруха, Андрия (вместо документальных имен: Иван, Екатерина, Петр, Андрей). Но кроме назойливого утомления слуха ничего это не дает, ибо все эти вариации имен не слиты органически с текстом строк, не мотивированы психологически, а притянуты за уши... Жонглирование такими простонародными словесами как "толстозадая", "толстомордьянка", "жрала" или "этажи" не достигает искомого эффекта, ибо настоящий русский простонародный язык хранит в себе скрытую энергию иронии, огонек глубокой мудрости, которого не найти в искусственно-ходульных репликах Петрух и Андрих "Двенадцати".

Прелесть русского простонародного языка можно запечатлеть не прибегая к безвкусыным крайностям. Проиллюстрируем это классическим примером. *Граф Алексей Константинович Толстой* остается непревзойденным мастером в передаче интонаций простонародного языка:

*"Пришел к дьяку больной, говорит:
Ой-ой-ой, Дьяче!*

*Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче.*

*И не лечь и не сесть, и не можно
мне съесть Столько!*

*— Вишь дурак! сказал дьяк: ну не
ешь натошак — Только!"*

В цитате одно лучше другого. И разговорная речь и стихотворный размер слиты органически воедино!

А вот пример псевдонародного и псевдохудожественного языка персонажей "Двенадцати":

*— А Ванька с Каткой — в кабаке!
— У ей керенки есть в чулке!*

*— Ванюша сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!*

*— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
— Мою, попробуй, поцелуй!*

Что это? Полдюжины зарифмованных строк, полдюжины реплик не имеющих ощутимой логической связи между собой, и даже столь важный атрибут народности "поблоковски" как "Сукин сын" не спасает от мертвящей скуки этой лжепоэзии!

Изображение преступного разбойничьего мира требует драматизма текста, требует такой конденсации эмоциональной энергии строк, которая действовала бы как электрический удар, как искра короткого замыкания. Ослепительные искры умеет высекать Владимир Высоцкий:

*"На судне бунт. Над нами чайки
реют.*

*Вчера из-за дублонов золотых
двух негодяев вздернули на рею,
но мало — нужно было четверых."*

"Климат" пиратского корабля передан кратко но динамично.

Читатель может сделать такой

эксперимент: пойти по пути литературоведа и перечитать все 335 стихов поэмы "Двенадцать" (занятие не из занимательных) с целью найти что-либо подобное упругой динамике стихотворных строк выше процитированных... Сизифов труд! Большинство стихов тонет в плясовом и частушечно-балаганном ритме, мало пригодном для изображения мокрых дел революции... Вместо энергии и динамики, вы найдете бессильное скольжение по поверхности;

*"Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост."*

Такое беспомощное топтание на месте с "псиными" аллегориями можно было бы простить гимназисту, но не — взрослому Блоку... Кто должен крапеть за горы при торно-паточных рецензиях и похвал посвященных именно этой "песей" тавтологии?!

Князь тьмы "отблагодарил" богохульника Блока — он лишил его вдохновения и поэтического слуха. Раньше Блок мистически "слышал" стихи, как шопот небес и записывал их. Но как только он в позорном замысле своем вручил кровавый флаг Иисусу Христу — Блок оглох и умер, как поэт. Все 335 стихов поэмы "Двенадцать" написаны поэтом без огня жизни — поэтом мертвецом.

Жуткий портрет Блока, ставшего внезапно похожим на мертвеца зарисовал в своих воспоминаниях Корней Чуковский: "Мы сидели вечером за чайным столом и беседовали. Я что-то говорил не глядя на него, и вдруг, нечаянно подняв глаза, чуть не крикнул: передо мною сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдаленно не похожий на Блока. Жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый. Даже волосы, даже уши стали другие. И главное: он был явно отрезан от всех, слеп и глух ко всему человеческому.

— Вы ли это, Александр Александрович! — крикнул я, но он даже не посмотрел на меня. Я и теперь, как не напрягаюсь, не могу представить себе, что это был тот самый человек, которого я знал двенадцать лет. —

Так Александр Блок заплатил за свое богохульство: он умер раньше своей физической смерти. Академик В. М. Жирмунский в книге "Рифма, ее история и теория" для неточной "сырой" рифмы блоковских стихов ввел такой завуалированный термин: "эмбриональная рифма"... Эти "эмбрионы" лиры Блока никогда не имели жизни!

И тлетворный яд мертворожденных стихотворных строк поэмы "Двенадцать" достоин не анализа литературоведа, а — огня кремационной печи.

АНАТОЛИЙ БОР

"НАШЕЙ СТРАНЕ"

ОЧЕНЬ ТРУДНО...

В ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

— ЕЙ ПОМОЧЬ,

ЗАВЕРБОВАВ ХОТЬ ОДНОГО

НОВОГО ПОДПИСЧИКА.

Языковые Уродства

МАКЛАФЛИН

"Русская Мысль", ссылаясь на одного американского журналиста, именуется его Маклафлин; вероятно, под влиянием английских слов как to laugh "смеяться" и rough "грубый", где действительно на конце слышится звук ф. На деле, ирландская фамилия Маклахлин (ее иногда пишут и слитно) ничего не имеет общего со смехом; она означает "сын Лахлана"; а, разбирая дальше, имеет смысл "сын скандинава" или даже "сын Скандинавии".

Газетское название Скандинавии (и, особенно, Норвегии) Лохлан, и состоит из двух частей: лох "озеро" и лан "земля"; т. е. это Страна Озер (как и Финляндию поэтически называют иногда Страною Тысячи Озер).

То же самое лох мы встречаем во множестве названий в Шотландии, включая знаменитое Лох Несс; его же находим, слегка измененное, и в Бретании: Локмариа, Локмиказль. Оно в прямом родстве с латинским лакус "озеро", от которого происходят в современных романских языках испанское, португальское и итальянское лаго, французское и румынское лак. Тогда как слово лан представлено

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия
Тел. редакции 52-7426

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ
ИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА
СОЛОНЕВИЧА И НА ВЕНОК Т. В. Д.

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" и "на венок Т. В. Дубровской" поступили следующие суммы:

от Ген. А. Хольмстон-Смысловского — 106,40 нем. марок, от О. Некрасовой — 80 ам. долларов, от С. и И. Клестовых — 79,20 ам. долларов.

в бретонском лани "дюна", "земля" и в местных названиях как Ланилиз "церковная земля", Лангроз "земля (святого) креста", и в валлийском ллан "деревня", обильно фигурирующем в топонимике; оно родственно немецкому Land (французское лан "дюна" есть остаток языка древних галлов).

Вот почему и нехорошо искажать фамилию, у которой налицо такие старинные и любопытные исторические связи!

Аркадий Рахманов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый Г-н Киреев

С большим сожалением я читал сообщение о кончине столь усердной и самоотверженной патриотической труженицы Т. В. Дубровской. Господь да упокоит ее душу. Радует, однако, что и после ее кончины издание "Нашей Страны" не прекращается. Помогите Вам Бог.

В связи с заметкой в № 1675 "Скверна в Н. Р. С." прилагаю копию моего письма в редакцию этой газеты. Копию этого письма я послал и в издательство Нейманис, откуда получил неудовлетворительный ответ и теперь написал им вновь, указывая на необходимость переменить текст объявления. Они объясняют, что поместили де его по доверию к сообщению издателя, хотя, как видно из их письма ничего о нем не знают. Повидимому он украинец и проживает в Голландии.

Заявляя протест я лично и у Нейманиса, и в "Н. Р. Слове" вижу не злой умысел, а небрежность. Перепечатывали объявление механически, не задумываясь над его содержанием.

Епископ Григорий (Габбе)

ГОЛОСЛОВНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Глубокоуважаемый
господин редактор!

Мое внимание было обращено на объявление в номере "Нового Русского Слова" от 16 июля с. г. о книге проф. Н. Костомарова "Славянская мифология". О ней говорится, что она "была приготовлена к печати в 1846 г., но иерархия Русской Православной

Церкви выкрала уже почти готовую книгу и сожгла ее, обвинив автора и книгу в поощрении язычества". Несмотря на это, книга обозначается как "репринт", являющийся копией с издания в Киеве в 1847 г., всего через год после ее "сожжения".

Я могу себе представить, что Ваша газета напечатала объявление издательства Нейманис, не входя в его содержание, но не могу не протестовать против заявления о "краже" рукописи иерархией — заявления оскорбительного для епископата нашей Церкви.

"Иерархия Русской Церкви"... Что это значит? Все русские епископы? Святейший Правительствующий Синод? Киевский митрополит?... Если даже предположить, что кто-то мог украсть рукопись, то приписывать это иерархии Русской Церкви оскорбительно и неправо. Она такими вещами никогда не занималась.

В 1846 г. цензура в России была достаточно строгой, чтобы остановить любое нежелательное для Церкви издание и без всякой кражи. В Киеве в то время митрополитом был Филарет (Амфилов), известный своей кротостью и святостью жизни. Он пользовался таким авторитетом, что мог остановить какое угодно неприемлемое для иерархии издание, не прибегая для этого к необычным мерам. Однако, книга была напечатана тогда же, в 1847 г.. В чем же дело?

Все это вызывает сомнения в версии "кражи" рукописи и ее уничтожении.

Не выдумана ли вся история советскими врагами религии?

Епископ Григорий